

ЗАПАДНАЯ ФИЛОСОФИЯ И СОВРЕМЕННЫЙ МИР

УДК 330.81

КАНТИАНСКАЯ ЭТИКА И ДУХ КАПИТАЛИЗМА

И.В. Филатов

ФГБОУ ВО «Московский государственный университет
им. М.В.Ломоносова», г. Москва

DOI: 10.26456/vtphilos/2021.4.187

Рассматривается вопрос о совместимости этики Канта с принципами капиталистической экономики. Оценивается позиция Л. Мизеса, считавшего, что этика Канта несовместима с теорией рыночной экономики. Рассматривается противоположный взгляд на эту проблему М.И. Туган-Барановского. Показывается, что Кант был знаком с экономическими идеями А. Смита и не видел в них явных противоречий с собственным моральным учением. Проводится аналогия между моральным индивидуализмом Канта и экономическим индивидуализмом Смита.

Ключевые слова: протестантская этика, категорический императив, Л. Мизес, М.И. Туган-Барановский, Кант и Смит.

Введение

М. Вебер в работе «Протестантская этика и дух капитализма» объяснял генезис европейского рационального капитализма непреднамеренным следствием того, что предприниматели-протестанты стремились жить и трудиться в полном соответствии с божественной волей. Их этос М. Вебер описывал в понятиях «профессия как призвание», «мирской аскетизм», «рациональность», «честность не из расчета, а из долга», «скромный образ жизни». В результате возникла большая группа людей, которые много и методично трудились, честно и рационально вели свои дела, заботясь не столько о материальном вознаграждении, сколько об исполнении внутреннего долга. Вместе с тем следование такой строгой (особенно в пиетизме) морали в итоге приводило к экономическому успеху.

Как известно, основу философских взглядов М. Вебера составляло неокантианство, он многое перенял у Г. Риккерта, ценил этику Канта. Но в названной работе он лишь раз упоминает Канта, отмечая определенное сходство в понимании принципа долга в протестантской этике и в моральном учении Канта. «Шотландец по происхождению, Кант, испытав в юности сильное влияние пиетизма, в конечных своих выводах близок к этому принципу (ряд формулировок Канта прямо примыкает к

© Филатов И.В., 2021

аскетическому протестантизму, однако вопрос этот выходит за рамки нашего исследования)» [1, с. 260].

Можно ли утверждать, что и этика самого Канта совместима с хозяйственной деятельностью в рамках капиталистической рыночной экономики? Это непростой вопрос, у которого, на мой взгляд, нет однозначного и простого решения. В данной статье ставится цель прояснить некоторые аспекты этого вопроса, прежде всего в историко-научном плане.

Не только как к средству

Учение Канта о нравственности хорошо известно и разобрано в огромном количестве работ, поэтому можно очертить его в предельно сжатом виде. Кант строит учение об автономии практического разума, не нуждающегося в религиозном оправдании. Его метафизика нравственности является критической, опирающейся на трансцендентальные, а не на трансцендентные (например, божественной предопределенности) основания. Ее основными категориями являются свобода, долг, рациональность, примат личности, автономия ее воли. Вообще говоря, эти категории, как таковые, созвучны принципам рыночной экономики. Приводя эти категории в систему, Кант формулирует моральный закон, или категорический императив, т. е. безусловное обязательство человека (1) совершать только такие действия, максимы которых могут стать всеобщими законами; (2) поступать так, *«чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого также как к цели и никогда не относился бы к нему только как к средству»* [2, с. 270]. Это соединяется с (3) принципом автономии воли как реализации свободы человека и (4) его принадлежности к идеальному сообществу автономных разумных существ – «царству целей».

Второй пункт приведен в собственной формулировке Канта, поскольку именно этот пункт обычно служил основанием для доводов о несовместимости кантовской этики с рыночной экономикой. Так, например, кажется довольно очевидным, что в рамках капиталистической системы рабочие представляются лишь средствами производства и получения прибыли, а не самоцелью. Эта мнимая очевидность подвела известного австрийского экономиста и защитника либерализма Л. Мизеса. В книге «Социализм» (1922) он выступил в защиту рыночного капитализма и весьма искусно критиковал различные социалистические учения. Среди них он разбирает и концепции неокантовского этического социализма (катедер-социализма), опирающегося на кантовскую этику. При этом Л. Мизес направляет критику и на самого Канта. «Этика — слабейшая часть системы Канта. Хотя ее наполняет жизнью могучий интеллект Канта, величие отдельных концепций не должно закрывать нам глаза на тот факт, что исходная точка его учения об этике выбрана неудачно, а фундаментальные идеи в этой области ошибочны.

Отчаянные попытки подорвать корни эвдемонизма оказались безуспешными. Этические системы Бентама, Милля и Фейербаха возобладали над построениями Канта. Социальная философия его современников – Фергюсона и Адама Смита – прошла мимо него. Экономическая теория так и осталась для него чуждой. Эти недостатки сказались на всех его представлениях о социальных проблемах» [3, с. 276].

Австрийский экономист не усматривает моральных проблем в том, что в рамках рыночных взаимодействий каждый человек видит в других средство для достижения своих целей, поскольку и сам он для других выступает как средство для их целей. Рыночные механизмы координируют такие взаимодействия, в результате чего каждый человек выступает одновременно как цель и как средство. В итоге достигается главная цель социально-экономических взаимодействий – рост общего благосостояния и максимально возможное благо для каждого.

Нужно отметить, что в своей критике Л. Мизес идет достаточно проторенным для либерального мыслителя путем. «Кантовской мистике долга» он противопоставляет утилитаристскую этико-правовую теорию, родоначальником которой был И. Бентам. Учение утилитаризма, ключевая максима которого выражалась в том, что поступки следует оценивать по их последствиям, по тому, как они способствуют «максимальному счастью для максимального числа людей», становилось все более популярным после выхода в 1789 г. «Введения в основания нравственности и законодательства» Бентама.

В начале XIX в. идеи Бентама продвигал Джеймс Милль, их принял крупнейший представитель классической политической экономии Д. Рикардо. Затем утилитаристскую программу развивали такие философы и экономисты классической школы, как Дж. Ст. Милль и Г. Сиджвик. В 1870-е гг. в экономической науке произошла «маржиналистская революция», в ходе которой прежняя трудовая теория ценности была заменена новой теорией предельной полезности. В результате утилитаристская идея максимизации полезности тесно переплелась с моделями рационального экономического выбора. В начале XX в. известный американский экономист У. Митчел заметил: «Бентам помог экономистам понять, о чем они говорят». В наши дни крупный представитель экономического анализа права также подчеркивает роль утилитаризма: «Бентам был одним из наиболее ранних и до последнего времени единственным мыслителем, который полагал, что люди действуют рационально, максимизируя свою полезность в любой сфере жизни. Другими словами, он считал, что экономическая модель, которая, если посмотреть на нее подобным образом, является лишь детализацией предпосылки о том, что люди ведут себя рационально и максимизируют свою полезность, может быть применена ко всему спектру человеческой деятельности, а не ограничена явными рынками» [4, с. 313].

Нельзя отрицать значения утилитаризма как весьма развитой этической системы и его роли в развитии экономической науки. Но если вернуться к позиции Л. Мизеса, то представляется сомнительным его тезис о том, что этический утилитаризм Бентама и Милля возобладал над нормативной этикой Канта. Также, как будет показано ниже, он ошибался и в том, что британская школа социальной философии не была известна кенигсбергскому мыслителю.

Для контраста интересно рассмотреть иной подход к вопросу о совместимости кантианской этики с нормами капиталистического рыночного хозяйства. В начале XX в. он развивался крупнейшим российским экономистом М.И. Туган-Барановским. Известно, что он начинал свою деятельность как «легальный марксист», однако со временем он отошел от марксизма и весьма критически оценивал экономическую теорию Маркса. В философско-методологическом плане его также мало что связывало с марксизмом. Как отмечал его ученик Н.Д. Кондратьев, «в конце 10-х годов настоящего столетия под сильным влиянием философии Канта и неокантианцев Виндельбанда и Риккерта за необходимость для политической экономии категории должного высказался выдающийся русский экономист Туган-Барановский» [5, с. 247].

В отличие от Л. Мизеса, М.И. Туган-Барановский считал кантовское учение о практическом разуме непревзойденным образцом гуманистической этики. Он также полагал необходимым не этику согласовывать с экономическим учением, а, напротив, ставил задачу разработки экономической теории, которая руководствовалась бы этическими идеалами. «Центральной идеей современного этического сознания является сформулированная Кантом идея верховной ценности и, как вывод отсюда, равноценности человеческой личности. Всякая человеческая личность есть верховная цель в себе, почему все люди равны, как носители святости человеческой личности. Это и определяет верховный практический интерес, с точки зрения которого может быть построена единая политическая экономия: интерес не рабочего, капиталиста, или землевладельца, а человека вообще, независимо от принадлежности его к тому или иному классу» [6, с. 38]. Эту задачу М.И. Туган-Барановский пытался реализовать, соединяя в теории рыночные и кооперативные модели хозяйства. Революция и преждевременная смерть прервала этот интересный, но несколько утопический проект.

Этот, пусть весьма краткий обзор, заостряет проблему: может ли и должен ли человек, говоря словами Канта, не рассматривать самого себя и другого только как средство, но обязательно и как цель. В принципе, эта формулировка не означает, что других людей никогда нельзя рассматривать как средство для достижения чего-либо, например, экономической выгоды. Ведь подобный суперморализм сделал бы невозможным разделение труда и другие виды экономической координации. Максима Канта говорит о том, что нельзя использовать другого челове-

ка **только** как средство. В отношении к хозяйственному этосу это означает, что этические нормы могут быть полезными для собственных целей, но они не должны определяться только этими целями.

Был ли Кант знаком с работами Смита?

Нужно отметить, что Л. Мизес ошибался в том, что британская (точнее, шотландская) социальная философия и экономическая мысль не были известны Канту. Он знал труды Ф. Хатчесона (учителя А. Смита), по его собственным словам, работы Д. Юма (друга А. Смита) способствовали его «пробуждению от догматического сна». Но в контексте нашей темы важнее вопрос о том, мог ли Кант знать работы самого А. Смита, поскольку последнего можно считать защитником рыночного капитализма. Известно, что Кант владел латынью и французским, но не читал на английском. Но это не могло быть препятствием для его знакомства с трудами шотландского морального философа и экономиста. Этический трактат Смита «Теория нравственных чувств» (1759) был переведен на немецкий язык в 1770 г., знаменитый экономический труд «Исследование о природе и причинах богатства народов» (1776) вышел на немецком в том же 1776 г., практически сразу после его первой публикации.

В ту эпоху еще не было каких-то общепринятых норм для сносок на используемые источники, тем не менее, в работах Канта можно найти прямые и косвенные отсылки к сочинениям Смита. Так, в своей поздней работе «Метафизика нравов» (1797) в рассуждении о деньгах Кант ссылается на Смита: «Итак, деньги (по Адаму Смиту) — это тело, отчуждение которого есть средство и в то же время мерило труда и через которое люди и народы производят взаимный обмен» [7, с. 205]. Очевидно, что это отсылка к кн. I, гл. IV «Богатства народов» [8, с. 82–87]. В «Антропологии с прагматической точки зрения» Кант ссылается на Смита в рассуждении о расточительности глав государств [9, с. 449]. Смит об этом пишет в кн. II гл. III «Богатства народов» [8, с. 349].

Не менее показательным, что на первых страницах более ранней работы «Основы метафизики нравственности» (1785) Кант весьма позитивно пишет о разделении труда: «Все промыслы, ремесла и искусства выиграли от разделения труда, когда человек не один делает все, а каждый, дабы иметь возможность выполнить свою работу наиболее совершенно и с большей легкостью, занимается определенным трудом, который по способу своего выполнения заметно отличается от других видов труда. Где нет такого различия и разделения работ, где каждый мастер на все руки, там ремесла находятся еще в состоянии величайшего варварства» [2, с. 222]. Это, очевидно, является реминисценцией на первую главу книги Смита, тем более, что понятие «разделение труда» не использовалось в немецкой философско-экономической мысли того времени.

Еще более явное свидетельство этому можно найти в «Венской логике» Канта, его лекциях 1780–1781 гг., которые были недавно переведены на русский язык. Здесь он пишет: «В обыденной жизни отмечается то, что было бы очень полезным, чтобы один человек не делал все в некоем деле. Неуч есть тот, кто не обладает тем количеством знаний, которые ему нужны в отношении той или иной цели. Например, при изготовлении одной булавки пересекаются от 4 до 10 человек. Такое распределение делает все совершенным и легким» [10, с. 225]. В известном фрагменте о разделении труда при изготовлении булавок Смит пишет о мануфактуре, где работало именно 10 человек [8, с. 70].

В литературе также отмечается, что публикация экономического шедевра Смита на немецком языке произвела сильное впечатление на сообщество молодых ученых и государственных служащих в Кенигсберге, некоторые из них были учениками и близкими знакомыми Канта [11, р. 249]. Это Х.Я. Краус, Т. фон Шён, Ф.Л. фон Шрёттер и И.Г. Фрей. Здесь нужно отметить прежде всего Крауса, который был студентом и протеже Канта, постоянно приглашался на известные обеды в его доме, на которых обсуждались многие научные и философские вопросы. Краус увлекался учением Смита, по некоторым данным предпринял собственный перевод «Богатства народов». Он стал первым профессором камеральных наук (включавших экономическую теорию) в Кенигсбергском университете [12, с. 29] и в своих лекциях основывался на учении А. Смита. Это свидетельствует о том, что у Канта могло быть неплохое представление об экономических идеях Смита как из текстов, так и из неформальных источников. При этом он скорее соглашается с ключевыми идеями Смита о прогрессивной роли разделения труда, о трудовой теории ценности и не усматривает в них каких-то явных противоречий с собственным моральным учением.

Здесь, правда, может быть такое возражение общего характера. Вся жизнь Канта прошла в Кенигсберге и в его окрестностях. Этот относительно небольшой город, расположенный на периферии европейской цивилизации, конечно, отличался от Глазго, Эдинбурга, Лондона и Парижа, где жил и бывал Смит и где он мог наблюдать более развитую экономическую жизнь. Поэтому Кант мог не замечать противоречий между реалиями капитализма и собственным моральным учением. Однако столица восточной Пруссии была морским портом с развитой торговлей, в ней были мануфактуры и ремесленные цеха. Так же и в то время, когда Смит работал над «Богатством народов» британская промышленность была еще на мануфактурной стадии и грядущая промышленная революция еще только намечалась.

Заключение

Помимо приведенных исторических свидетельств, можно отметить определенную аналогию между моральным индивидуализмом Кан-

та и экономическим индивидуализмом Смита. В теории Канта центральным является принцип свободы как возможности человека поступать в соответствии с собственными целями. Рыночная система, как ее описывает Смит, также передает целеполагание самим индивидам. При этом ни кантианская этика, ни рыночная система, не предписывают индивидам конкретных целей, которые им нужно выбирать. Категорический императив лишь формулирует критерий, который позволяет определить, могут ли цели индивида сосуществовать вместе с целями других людей. Рыночная система также допускает сосуществование множества ценностей и целей и не навязывает общей целевой ориентации. Это определяет взаимосвязь экономической и этической свободы и дает аргументы в пользу того, что кантианская этика совместима с «духом капитализма».

Список литературы

1. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. 808 с.
2. Кант И. Основы метафизики нравственности // Кант И. Соч. в шести томах. М.: Мысль, 1965. Т. 4. Ч. 1. 544 с.
3. Мизес Л. Социализм. Экономический и социологический анализ. М.: Catallaxu, 1995. 417 с.
4. Познер Р. О применении экономической теории и злоупотреблении ею при анализе права // Истоки. Экономика в контексте истории и культуры. М.: ВШЭ, 2004. С. 312–348.
5. Кондратьев Н.Д. Основные проблемы экономической статики и динамики: Предварительный эскиз. М.: Наука, 1991. 567 с.
6. Туган-Барановский М.И. Основы политической экономии. СПб.: Слово, 1909. 760 с.
7. Кант И. Метафизика нравов // Кант И. Соч. в шести томах. М.: Мысль, 1965. Т. 4. Ч. 2. 478 с.
8. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Эксмо, 2007. 960 с.
9. Кант И. Антропология с прагматической точки зрения // Кант И. Соч. в шести томах. М.: Мысль, 1966. Т. 6. 743 с.
10. Кант И. Венская логика / общ. ред. А.Н. Круглова. М.: Канон+, 2022. 496 с.
11. Fleischacker S. Philosophy in Moral Practice: Kant and Adam Smith // Kant-Studien. 1991. № 82/3. P. 249–269.
12. Лавринович К.К. Альбертина: Очерки истории Кенигсбергского университета. Калининград: Калининградское книжное издательство, 1995. 416 с.

KANTIAN ETHICS AND THE SPIRIT OF CAPITALISM

I.V. Filatov

Lomonosov Moscow State University, Moscow

The question of the compatibility of Kant's ethics with the principles of the capitalist economy is considered. The position of L. Mises, who believed that Kant's ethics is incompatible with the theory of market economy, is assessed. The opposite view on this problem of M.I. Tugan-Baranovsky are considered. It is shown that Kant was familiar with the economic ideas of A. Smith and did not see in them obvious contradictions with his own ethical theory. An analogy is drawn between Kant's moral individualism and Smith's economic individualism.

Keywords. *protestant ethics, categorical imperative, L. Mises, M. Tugan-Baranovsky, Kant and A. Smith.*

Об авторе:

ФИЛАТОВ Илья Владимирович – кандидат экономических наук, доцент экономического факультета ФГБОУ ВО «Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова», г. Москва. E-mail: methodology@yandex.ru

Author information:

FILATOV Ilya Vladimirovich – PhD (Economics), Associate Professor, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow. E-mail: methodology@yandex.ru